

Николай Матвеев

ЛИЛИИ

12+

Николай Николаевич Матвеев

Лилии

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34340014
SelfPub; 2018*

Аннотация

Этот рассказ о том, что жизнь в любой момент может стать другой, совсем не той что быть могла, не той, которой бы хотелось. Наше безрассудство всегда имеет последствия, когда-то серьёзные, когда-то вроде бы бесследно, но... всегда есть последствия.

Лилии

Она не возвращалась третий день. Такого раньше не бывало, он всё смотрел в окно, что выходит на север, всё ждал, что вот-вот она появится из-за угла соседнего дома, и лёгкой походкой подойдёт к парадной, поглядит в сторону окна и увидит его взволнованный взгляд. Но она всё не шла и не шла, минуты шли, а она не шла, уж кончился сахар, кончались и чай. Он знал, он точно знал, что она всё же придёт, она обещала, она придёт, она обещала. Он как всегда, купил к её возвращению цветы – лилии, её любимые цветы. Где-то за спиной, за стенами бетонными, за тысячью дорог и слов, садилось солнце, красило в оранжевые краски мир, скрывалось за далёким горизонтом, ложилось спать.

Однажды она пришла вся мокрая и злая, хотя на улице светило солнце и в разгаре было лето, она кричала, что попала под кошмарный, проливной, шумящий дождь, она дрожала и просила чтобы он её согрел. Тогда он снял с неё сиреневые босоножки, взял на руки и аккуратно отнёс в ванную, он включил воду, уложил её на дно и поливал из душа тёплой водой, прямо по сарафану, прямо по чулкам. Она смотрела на него, в глаза ему, тревожно и с некоторою опаской, она спросила, верит ли он ей, а он ответил, что конечно, верит, хоть по небу за целый день не проплыло ни облачка, лишь зной да по дорогам суховей. У него не было причин не доверять, если она сказала, что промокла под дождём, так зна-

чит, всё и было.

Он спал урывками, какими-то кошмарными глотками сна, ему всё снилось, что она сошла с ума, что кто-то заточил её в темницу, что кто-то сердце ей сменил на старые часы. Он просыпался, прибежал на кухню, пил из-под крана воду, садился у открытого окна и в темноте, под звёздным светом, смотрел на краешек дороги, на отблески луны в окнах дома напротив, он знал, что ночью, она, скорее всего не придёт, но он не мог так спать, он не хотел даже во сне увидеть, что с ней могло случиться что-то, его это ломало пуще, чем неведение. Немного успокоившись и отойдя от страшных снов, он, не включая свет, почти на ощупь чиркал спичкой, зажигал синий газ и ставил чайник. Он пил горький кофе, ведь сахар кончился уже, и думал, волновался, ведь что-то же случилось, ведь неспроста она не возвращается уже девятый день.

Ещё он вспомнил, как она пришла зимой без шубы, пьяная, с размазанной помадой по щекам, в вульгарном платье и вся воняла табаком. Она упала на диван и долго плакала, она дрожала, всхлипывала и дрожала. А он принёс шерстяное одеяло и укрыл её, сел рядом и нежно гладил по голове. Она успокоилась только через полчаса и тихонечко уснула, а он ушёл на кухню и поставил чайник, он улыбнулся, главное, что всё ж она вернулась, вернулась, как и обещала, через восемь дней. Он пил несладкий чай, когда она вошла на кухню, села рядом и, сказав: «прости», обвила шею его, нежными руками и прислонила лоб свой к его лбу. Они глядели

друг другу в глаза и её наполнялись слезами. Она шептала, что это была вечеринка, что она потеряла контроль над собой, что выпила слишком много. Ещё говорила, что ей было нужно выплеснуть всю эту гадость, куда-то, в кого-то. Она утверждала, что ей захотелось почувствовать себя грязной, пропащей и падшей. А он смотрел в её глаза и верил, он верил, что она такая – противоречие самой себе.

Он трижды собирался выходить из дома, чтоб её искать, но лишь однажды добежал до магазина, чтоб купить конфет, чай и немного сахара, ещё купил котлет и макарон, пакетик молока, ведь если вдруг она вернётся, она захочет молока. Купил буханку хлеба и ватрушку, она так любит это тесто с творогом. Вернувшись, он скорее уселся у окна, успел лишь разложить продукты по местам, да на огонь поставить чайник. На небе собирались тучи, наверное, пойдёт сегодня дождь, возможно, с молнией, грозой, на улице так душно. Он пристально смотрел на видимую часть дороги, но она всё не появлялась, лишь проходили люди, незнакомые, соседи, два мальчика с рогатками, какие-то бабульки с сумками, мужчина толстый, словно снеговик, с колясками мамыши. Но только всё не шла она, уже пятнадцать дней.

Когда-то он её встречал на вокзале, вокруг суетились люди, тысячи, тысячи людей, все куда-то спешили, торопились, кричали и толкались, задевали сумками и телегами, а он стоял у нужного перрона с букетом лилий – её любимых цветов, и ждал её поезд, она должна была приехать ровно в семна-

дцать ноль-ноль. Поезд подошёл раньше, наверное, намного, потому что уже все пассажиры вышли и разбрелись кто куда, кто в метро, кто на автобус, кто пешком, некоторые садились в такси. Тогда он стал волноваться, он думал, что мог ошибиться платформой, быть может, поезд не тот... Но ровно в пять вечера из вагона с номером двадцать один, вышла она, изящно, как лебедь выплыла из вагона, открыла какой-то нелепый зонтик и двинулась к нему навстречу. Немного холодно взяла букет и поцеловала в щёку. Они добрались до дома в тишине, никто не проронил ни слова, и лишь когда закрылась дверь за ними, она произнесла: «Спасибо», он спрашивал за что, она отвечала, что за то, что он не задаёт вопросов. Он только улыбнулся, а она сказала, что всё неправда и что бы ни случилось, она всё равно вернётся к нему. Он верил, он знал.

Но она всё не возвращалась, вот уже двадцать два дня, как она должна была вернуться, уже закончился кофе и снова кончается сахар, засохла ватрушка, прокисло молоко, тогда была гроза, тогда он закрывал ушами руки и смотрел, как бьются в стёкла капли крупные дождя.

Он вспоминал, как встретил её в первый раз, она появилась внезапно, выходя на улицу из подъезда, он так сильно открыл дверь, что угодил ей прямо в лоб, она воскликнула, и чуть было на упала на асфальт. Он успел схватить её за руку, она удержалась, хоть это было нелегко, на шпильках. Он чувствовал, как дрожит её рука, сажая её на скамью, он

чувствовал, как дрожит её тело. Он начал рассыпаться в извинениях, а она лишь потирала лоб и что-то, сморщившись, шептала. Потом она спросила знает ли он вот этого мужчину и показала фотографию, она сказала, что приехала к нему, она сказала, что он её ждёт и любит, она сказала, что так торопилась, что забыла захватить те письма, что писал он ей целый год, и он может просто её не узнать, а ещё на тех конвертах был точный адрес, она же помнит только улицу и номер дома. Он этого почти не слышал, ведь с фотокарточки на него смотрел он сам, только чуть моложе, не седой ещё, значит, это фото было сделано ещё до той аварии, в которой он был виноват, но так как выжил только он, то признан был виновным водитель другой машины и дело по-быстрому закрыли, а он не мог смотреть в глаза отца и близких умерших в другой машине. Он больше месяца провёл в больнице, потом он написал письмо сестре. Письмо обратно не вернулось.

А сестра была в могиле, она была на заднем сидении в тот миг, когда он вылетал с второстепенной не посмотрев налево и направо, когда он улыбался, бросая в управляемый занос машину, она просила сзади его притормозить, но он нажимал на педаль, ведь занос становился неуправляемым и машину уже понесло. Через миг он услышал удар, почувствовал боль в ногах и удар воздушной подушки, он слышал скрежет металла и хруст, быть может, стекла, быть может, костей, потом закончилось всё, наступила тишина, только падающие на асфальт стёкла царапали тишину.

Тогда он выходил из дома, чтобы поехать к могиле сестры, чтобы в очередной раз сесть и попросить прощения, чтоб возложить ей букет цветов, из её любимых лилий. Но он не поехал, он вернулся домой с этой внезапной гостьей. Они разговаривали до вечера, потом ещё почти всю ночь, а потом ещё и встретили рассвет. Она устала и хотела спать, а он всё боялся, что она сейчас вот так же внезапно исчезнет, пропадёт, он всё поил её чаем и кофе, он задавал ей тысячи вопросов, он получал всего лишь десятки ответов. Она заснула прямо на кухне, когда он выходил в туалет, его это немного смутило. Он взял её на руки, она оказалась на удивление лёгкой, и отнёс в спальню, положил на диван и, укрыв пледом, прошептал ей «спокойного сна».

Она разбудила его утром, одетая, свежая, с небольшим синяком на лбу и сказала, что ей нужно уйти, но она обязательно вернётся, вернётся завтра в девять вечера, позвонит в домофон. Тогда он не поверил. Но она вернулась, вернулась, как и обещала, ровно в девять вечера. С тех пор он в ней не сомневался, он ей верил, он её ждал.

И вот теперь, прошло уже тридцать восемь дней с того момента, как она обещала вернуться, начали желтеть листья, стал чаще капать дождь, а её всё нет. Однажды ему показалось, что из-за угла выходит именно она, в похожем платье, в таких же босоножках и с сумочкой через плечо, но после первых секунд, когда он уже думал броситься навстречу, он понял, что это не она. Другой цвет волос, другой формы нос

и татуировка на щиколотке. Внутри всё обрушилось, и он сидел без движения следующие сутки.

Однажды, когда она вернулась уставшая, пропахшая сеном и порохом, лёжа в пенной ванной, она сказала ему, что однажды, наверняка не сможет сопротивляться тому очкастому дяденьке, который говорит про сильный стресс после аварии и гибели сестры и выписывает ему таблетки. Он вновь поверил ей, хоть и не понимал, как зависит одно от другого. На всякий случай он перестал пить таблетки, а через неделю он почувствовал себя нехорошо, он был беспокоен, он видел сны про катастрофу, он очнулся однажды на кладбище, у заросшей могилки сестры, один, без цветов, без памяти о том, как он сюда попал. Тогда он, прибежав домой, выпил сразу пять таблеток и провалился в небытие. Она вывела его из темноты, она сказала, что пусть будет лучше всё так, как есть сейчас, пусть пьёт свои таблетки. Она гладила его по волосам и щеке, она говорила ему, что любит его и не оставит.

А теперь вот она не вернулась. Он ждал её сто дней. Он ждал её, он ждал. Потом он встал, оделся и вышел из дома. Он купил букет из лилий и сел в такси. Он доехал до кладбища и попросил шофёра подождать его где-то полчаса. Он отыскал среди могил ту самую, к которой он не приходил уже два года, он раскидал ботинками листву, руками сгрёб все листья с надгробия и положил букет на могилку. Он вытер слёзы и попросил прощения у сестры за всё, за катастро-

фу, за то, что не появлялся так долго, за то, что любил её больше, чем просто сестру, за то, что не слушал её. Только сейчас, глядя на фотографию, прикрепленную на гранит, он заметил, как они похожи. Похожи и обе ушли, обе уже не вернутся, сколько бы дней ни прошло.

Таксист ждал его почти два часа, он даже сходил его поискать, но не решался заходить далеко, уже вечерело, кричать на кладбище он тоже не решался, конечно же, он был не суеверен, но мало ли что, на всякий случай... Таксист выругался, плюнул смачно на дорогу, завёл мотор и резко набирая скорость, умчался.

Лилии завяли только под новый год. Разве это не чудо?

15 мая 2013г.